

— К сожалению, Вэньюань-гун, начиная с года Инь-Мао, подвергся клевете и был понижен в должности, после чего, разочарованный, подал в отставку и с тех пор больше не возвращался в правительство.

Линь Бочжи покачал головой с сожалением.

— Сейчас аристократические семьи подавляют выходцев из бедных семей, действуя сообща и исключая чужаков. Мы, те, кто усердно учился десять лет, не можем сравниться с аристократами, у которых есть всего лишь рекомендательное письмо. Если бы не упрямое желание добиться успеха, я бы давно бросил литературу и занялся бизнесом, чтобы хотя бы жить без забот.

Чжан Янь высказал всё это одним махом, и Ли Гуаньюй, стоящий рядом, слегка побледнел, поспешно остановил его, нахмурившись и тихо сказав:

— Будь осторожен! В этом чайном доме и ресторане полно ушей. Если кто-то злонамеренный услышит твои слова, ты никогда не добьешься успеха.

Чжан Янь, хотя и недовольный, но опасаящийся последствий, покраснел и побледнел от сдерживаемого гнева.

— Бочжи, эти политические трактаты не только из Личжуна, верно? — спросил Сян Юань, прочитав двенадцать трактатов.

— Да, кроме восьми из Личжуна, остальные четыре — из Бацюй.

Линь Бочжи подошел и указал на те четыре трактата.

— Раньше Бацюй всегда следовал за Личжуном, как только появлялись новые трактаты, они сразу же копировали их. В этом году, хотя они тоже прислали копии, принесли и эти четыре, говоря, что это «для общего восхищения», но на самом деле это было хвастовство. Однако эти четыре трактата из Бацюй действительно превосходят наши.

— Я заметил, что в последние годы трактаты из Личжуна стали довольно посредственными. Если мы не приложим усилий, Личжун вскоре уступит Бацюй.

Сюй Вэньлинь, что было редкостью, выглядел обеспокоенным.

— Хотя наши статьи в целом уступают Бацюй в оригинальности, если говорить о стиле и построении предложений, я считаю, что Личжун намного выше.

Сян Юань отложил рукопись, его взгляд был спокоен, голос ровный.

Линь Бочжи и остальные застыли на месте, словно услышали что-то невероятное, их лица выражали полное недоумение.

Что случилось с этим Сян Цунцзы? Сегодня он не сказал ни одного критического слова, а наоборот, только хвалил!

Сюй Вэньлинь смотрел на Сян Юаня, как на привидение:

— Сян Цунцзы, ты... ты больше ничего не скажешь?

Сян Юань обернулся, слегка озадаченный.

Увидев его невинное, растерянное выражение, все присутствующие почувствовали, как у них зачесались зубы.

Не думайте, что если он сейчас выглядит безобидно, все забудут, каким раздражающим был Сян Цунцзы раньше. Хотя он плохо писал статьи, он читал множество редких книг, и у него было множество странных теорий. Какую бы статью Сян Цунцзы ни прочитал, он всегда находил в ней незначительные недостатки, которые, казалось, не имели значения, но он настаивал на них, и его аргументы были настолько убедительными, что Линь Бочжи и другие не могли возразить, лишь испытывая раздражение. Теперь, внезапно услышав от Сян Цунцзы только похвалу, они не могли привыкнуть.

— Редко слышать от Цунцзы ни одного критического слова, мы действительно не привыкли. Думаю, за время восстановления после травмы Цунцзы стал более спокойным, и, возможно, его статьи улучшились.

Ли Гуаньюй нарушил тишину, и атмосфера наконец разрядилась.

Сян Юань быстро сообразил.

— Молодость и легкомыслие, прошу прощения за мою прежнюю глупость. Раньше я жил в тумане, хотя читал много книг, но статьи писал плохо. Однако после того, как меня ударили кирпичом, мой разум прочистился, возможно, закупоренные каналы открылись.

— Такое бывает? Действительно, беда может обернуться благом.

Сян Юань принял загадочный вид.

Ему нужно было найти оправдание своим изменениям, и это было идеально.

После случайной встречи с собранием сюцаев из Общества Цяньсинь, Сян Юань время от времени появлялся там, каждый раз ведя себя скромно, тихо слушая других и лишь изредка высказывая свои мысли, которые теперь были лишены всякой остроты. Линь Бочжи и другие, сначала удивленные, теперь привыкли к этому, и даже начали с некоторой злорадностью думать, что удар кирпичом пошел Сян Цунцзы на пользу, и он стал менее раздражающим.

Сян Юань постепенно узнавал о текущей эпохе, её политике, обычаях и традициях, запоминая, чего следует избегать. Вернувшись домой, он практиковался в каллиграфии, читал книги и писал статьи. Чтобы добиться чего-то в этом совершенно незнакомом мире, ему нужно было войти в чиновничьи круги. Но сейчас он был всего лишь студентом, и чтобы начать карьеру, ему нужно было сдать экзамены. Трудности в этом были даже больше, чем на гаокао.

Сян Юань ждал, ждал возможности, чтобы громко заявить о себе.

Время шло, и вот наступил праздник Середины Осени. Ли-ши приготовила четыре вида подарков, и Сян Юань, как будущий зять семьи Чжао, должен был лично доставить их.

Ли-ши не была искусна в шитье, поэтому новая одежда для праздника была сшита маленькой служанкой А-Тин. Несмотря на юный возраст, А-Тин была опытной в шитье, и её работа была аккуратной, а одежда хорошо сидела. Сян Юань, надевая её, чувствовал, что она не уступает работе современных мастеров.

Ли-ши с улыбкой наблюдала, как Сян Юань хвалит А-Тин, в её глазах был скрытый смысл. Сян Юань этого не заметил, но А-Тин, увидев, слегка побледнела.

Резиденция Чжао находилась в восточной части города Личжун. Пройдя через мост через реку Минъя и свернув в переулок Синлинь, Сян Юань оказался у ворот.

У входа в резиденцию Чжао он встретил молодого человека, также несущего четыре коробки с подарками. Он был одет в одежду сюцая, и его высокий и стройный вид выглядел весьма привлекательно. Сян Юань, хотя и был высоким, но худым, и его одежда сюцая висела на нём, лишая его всякого изящества.

Сян Юань узнал, что это Сунь Цзюнь, жених старшей дочери семьи Чжао, его бывшей невесты.

Они кивнули друг другу и вместе вошли. Привратник побежал сообщить господину Чжао, и, как только они прошли за стену, их встретил Первый молодой господин Чжао.

— Отец ждёт в кабинете.

Первый молодой господин Чжао ещё не был студентом, он был одет в обычную домашнюю одежду и говорил чётко и формально.

Сян Юань, Сунь Цзюнь и Первый молодой господин Чжао отправились в кабинет. Господин Чжао сидел на почетном месте, его голос был доброжелательным. Он начал с нескольких слов о семье, спросил о здоровье старших, а затем проверил знания Сян Юаня и Сунь Цзюня. Увидев, что они отвечают уверенно, он выразил удовлетворение.

— Цунцзы, после праздника Середины Осени ты и Цзиньянь поженитесь. Как отец, я немного беспокоюсь, так что иди и навести его.

Сян Юань поклонился и вышел, понимая, что это был просто предлог.

В эпоху Цзиньянь в Великой Лян многие ограничения были ослаблены. Например, поскольку он уже был помолвлен с Чжао Шэнем, он мог приходиться и видеться с ним, и все это понимали.

Сян Юань тщательно обдумал, но в его памяти не было чёткого образа Чжао Шэня. Самое яркое воспоминание было о том, что прежний хозяин тела не любил его за сходство с мужчиной.

Похож на мужчину? Сян Юань беззвучно усмехнулся.

Какое счастье! Хотя он и был гомосексуалистом, но ему не нравились те, кто наносил макияж и кокетничал. Если бы он попал в тело гера, он бы точно заплакал.

Пройдя через двор, он увидел служанку, ожидавшую его на крыльце. Она слегка поклонилась и провела его в боковую комнату. Уже была глубокая осень, и в комнате стояло несколько горшков с хризантемами, а в углу горели благовония с лёгким ароматом.

В правой части комнаты на каменных стульях сидели двое. Один был старше, мужчина, но одет в яркие цвета и накрашен. Другой был стройным, с прямой осанкой, сидел с ледяным выражением лица, не глядя на вошедшего Сян Юаня.

Сюй Исюань, сравнивая фигуры Сян Юаня и Чжао Шэня, почувствовал тревогу. Сян Юань был типичным интеллигентом, бледным и худым, словно его мог сдуть ветер. Рядом с ним Чжао Шэнь выглядел высоким и крепким, сильным и мужественным.

Сюй Исюань был всего лишь младшим слугой господина Чжао, и Сян Юань не обязан был ему кланяться. Однако с того момента, как он увидел Чжао Шэня, он был доволен своим будущим мужем. Внешность и фигура Чжао Шэня ему нравились, и, раз уж свадьба неизбежна, жить с Чжао Шэнем было гораздо лучше, чем жениться на красавице или притворщице.